DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2024-4-14-20>

Эксклюзивность и инклюзивность в праве

А. С. Емельянов

доктор юридических наук, доцент, заместитель директора
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: ase722@mail.ru

Н. Н. Черногор

доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии наук,
советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: Российская академия наук,
119071, Москва, Ленинский пр-т, д. 14;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 44.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Exclusivity and Inclusivity in Law

A. S. Emelyanov

Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
44 B. Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: ase722@mail.ru

N. N. Chernogor

Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences,
Advisor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Russian Academy of Sciences,
14 Leninsky Avenue, 119071, Moscow, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
44 B. Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: chernogor72@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются эксклюзивность и инклюзивность в праве. Полиаспектность их значения позволяет представить различные стороны правового регулирования через диалектичность его метода, отдельных правовых режимов и систему принципов. На основе отечественных и зарубежных источников авторы раскрывают существующие между ними взаимозависимости. Материалом для исследования послужили отечественное и зарубежное законодательство, труды зарубежных исследователей в области част-

ного и публичного права, а также философии и теории права. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, такие как диалектический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, системный подход. Проведенное исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, позволило обосновать необходимость комплексного рассмотрения эксклюзивности и инклюзивности, которые находятся в диалектическом единстве, определяя характер правового регулирования отдельных групп общественных отношений. Соответствующие выводы представляются релевантными применительно как к российской, так и иностранным правовым системам. Эксклюзивность (*exclusivity*) позволяет юридически индивидуализировать отдельные объекты субъективных прав и правовое положение субъектов права. Обоснованием объективной эксклюзивности служит побуждение субъекта (субъектов) права нести расходы, связанные с конкретным имуществом, в расчете на последующую выгоду от самостоятельного владения, пользования и распоряжения им, не только целиком окупив все произведенные затраты, но и позволив повысить уровень своего благосостояния. Субъективная эксклюзивность служит для разграничения коллективных субъектов права. В свою очередь, инклюзивность (*inclusivity*) предоставляет возможность юридически обосновать совместность владения, распоряжения и пользования отдельными видами имущества, реализации полномочий, вовлечения в общепользную деятельность.

Ключевые слова: метод правового регулирования, правовой режим, принципы права, интерес, частный интерес, публичный интерес, сравнительное правоведение, теория права.

Abstract

This article examines exclusivity and inclusiveness in law. The polyaspect nature of their meaning allows us to present various aspects of legal regulation through the dialectical nature of its method, individual legal regimes and a system of principles. Based on domestic and foreign sources, the authors reveal the interdependencies that exist between them. The material for the study was domestic and foreign legislation, the works of foreign researchers in the field of private and public law, as well as philosophy and theory of law. The methodological basis of the study was made up of general scientific and specific scientific methods, such as the dialectical method, analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal and historical-legal methods, and a systems approach. The conducted study, the results of which are presented in this article, made it possible to substantiate the need for a comprehensive consideration of exclusivity and inclusiveness, which are in dialectical unity, determining the nature of legal regulation of individual groups of social relations. The corresponding conclusions seem relevant in relation to both Russian and foreign legal systems. Exclusivity allows for the legal individualization of individual objects of subjective rights and the legal status of subjects of law. The rationale for objective exclusivity is the incentive for the subject (subjects) of law to bear the costs associated with specific property in the expectation of subsequent benefits from independent ownership, use and disposal of it, not only fully recouping all the costs incurred, but also allowing them to increase their level of well-being. Subjective exclusivity serves to differentiate collective subjects of law. In turn, inclusivity provides the opportunity to legally justify the joint ownership, disposal and use of individual types of property, the exercise of powers.

Keywords: method of legal regulation, legal regime, principles of law, interest, private interest, public interest, comparative law, theory of law.

Научное осознание эксклюзивности и инклюзивности в праве началось в прошлом веке. Так, первое направление научно-правовых исследований первоначально было обусловлено потребностями формирования правовой доктрины в области оборота недвижимости, а второе – необходимостью разработки правового механизма обеспечения инклюзивного экономического развития, направленного на достижение всеобщего благосостояния.

Реализуемая современными государствами правовая политика в области недвижимости основывается на одной из следующих моделей: (1) единство объекта невидимости и титула;

(2) множественность (дифференциация) титулов; (3) множественность (дифференциация) объектов недвижимости. Генезис первой модели неразрывно связан с римским правом. Она, как правило, характерна для правовых систем, образующих континентальную (романо-германскую) правовую семью, являясь одной из ее ключевых отличительных особенностей [7]. Вторая модель присуща англо-саксонской правовой семье [5]. Третья зародилась в рамках советского права [2].

Отдельно следует остановиться на анализе американской доктрины в рассматриваемой сфере. В США формирование системы имущественных прав происходило в результате рецепции

английского права (с его феодальным наследием и производной от этого системой деления (множественности) титулов на недвижимость). Современное американское право, вынужденное преодолевать данные рудименты, является наглядной демонстрацией эволюции системы сложноструктурированных моделей права собственности и способов защиты имущественных прав на недвижимость. На решение данной задачи направлена так называемая экономическая теория собственности (*economic theory of property*), одним из основоположников которой является Ричард Познер. Ее сторонники исследуют права на недвижимость не только и не столько в контексте их экономического содержания, сколько делая акцент на юридической природе данного явления, так как за счет рассмотрения правовой защиты интересов собственников она позволяет выявить общие и специальные закономерности развития экономических связей и определить степень эффективности использования имущества, в том числе недвижимого [6. – С. 319–325; 8. – Р. 10–13].

В контексте обоснования множественности (дифференциации) титулов на недвижимое имущество сторонники данного подхода выделяют три принципа: (1) универсальности (*universality*), в соответствии с которым все имущество должно находиться (или быть способным находиться) в чьей-либо собственности, за исключением непопулярных общедоступных ресурсов; (2) эксклюзивности (*exclusivity*), согласно которому у собственника должно быть побуждение нести расходы, связанные с имуществом, поскольку в последующем прибыль от самостоятельного владения, пользования и распоряжения имуществом, сопровождающая право частной собственности, не только целиком окупит все произведенные затраты, но и позволит собственнику повысить уровень его благосостояния; (3) оборотоспособности (*transferability*), исходя из которого постоянное экономическое развитие общества обеспечивается возможностью в добровольном порядке сменять собственников имущества, переводя его таким образом из менее эффективного режима использования в более эффективный [8].

Первый и третий из приведенных принципов можно справедливо отнести ко всем трем из рассматриваемых моделей. В свою очередь, принцип эксклюзивности непосредственно обосновывает допустимость множественности (диффе-

ренциации) как титулов на недвижимость (англосаксонская модель), так и самих объектов недвижимости (советская модель). Последнее подтверждается содержанием Закона КНР от 16 марта 2007 г. «О праве собственности» (Указ Президента КНР № 62), в статье 70 которого прямо указывается на то, что владелец может обладать правом собственности в отношении эксклюзивных частей, находящихся внутри зданий (жилые и коммерческие помещения), а также правом общей собственности в отношении тех частей, которые не являются эксклюзивными.

Таким образом, следование принципу эксклюзивности позволяет юридически индивидуализировать различные объекты гражданских прав, обеспечивая их участие в гражданском обороте. Обоснованием объективной эксклюзивности служит неразрывная связь между побуждением субъекта (субъектов) такого права нести расходы, связанные с конкретным имуществом, и расчетом на повышение своего благосостояния. При этом данный принцип (собственно, как и любой другой) является универсальным. Его реализация не ограничивается гражданским оборотом недвижимости, а распространяется на всю совокупность объектов гражданских прав.

Реализация принципа инклюзивности в настоящее время исследуется преимущественно в контексте вовлечения отдельных категорий граждан (женщин, молодежи, представителей старшего поколения, инвалидов, безработных, иммигрантов и т. п.) в деятельность, приносящую доход, в том числе предпринимательство, в качестве формы их поддержки со стороны общества и государства. Барьерами экономической социализации указанных лиц, преодолеваемыми в соответствии с рассматриваемым принципом, являются, как правило, отсутствие навыков и профессиональной подготовки, страх неудачи, финансовая нестабильность, проблемы со здоровьем, недостаточная степень владения устной и письменной речью.

По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (*OECD*), вовлечение указанных категорий граждан в деятельность, приносящую доход, является целью и результатом реализации нацеленной на экономическое развитие социально ориентированной политики государства. Так, во Франции еще в 2002 г. был принят План «*d'Aide au Retour u l'Emploi*», в соответствии с которым предполагалось увеличение государственных пособий для

безработных, находящихся в активном поиске работы. В Европейском союзе (ЕС) молодежная занятость обеспечивается за счет средств: (1) института ученичества и стажировок; (2) системы обучения предпринимательству, грантов и целевых займов для начала предпринимательской деятельности; (3) системы государственных субсидий на оплату стажировок и получение образования. Например, в Испании для реализации данной политики при государственном участии создан Фонд молодых предпринимателей *ENISA*, предоставляющий возможность получения кредитов в размере от 25 000 до 75 000 евро. В Эстонии, Германии, Великобритании, Латвии, Литве, Польше и других странах ЕС реализуется программа «Солидарность между поколениями», направленная на расширение участия людей старше 55 лет на рынке труда и поощрение их предпринимательской деятельности¹.

Отдельным направлением решения данной задачи является развитие инклюзивного образования, которое в России уже нашло свое легальное закрепление в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предполагая обеспечение равного доступа к образованию для разных категорий обучающихся с учетом их потребностей и возможностей. Прежде всего это относится к обучающимся с ограниченными возможностями, которым необходимо обеспечить адаптацию в неспециализированных образовательных организациях либо организовать обучение в отдельных классах, группах и организациях с учетом их особенностей [3].

На международно-правовом уровне рассматриваемый аспект инклюзивности отражается через инклюзивный рост, предполагающий: (1) экономический рост, сопровождаемый созданием благоприятных условий для повышения качества жизни и обеспечения равенства возможностей всех групп населения²; (2) включение в показате-

ли социально-экономического развития государства не только ВВП на душу населения, но критериев, характеризующих качество жизни (коэффициент детской смертности, доступ к безопасному источнику питьевой воды, доступ к базовым медицинским услугам и т. д.)³; (3) устойчивость национальной и глобальной экономики, ее поступательное развитие⁴.

Эксклюзивность и инклюзивность характеризуют не только отношения с участием граждан и организаций, но также выражаются в статусе публично-правовых образований. Так, федеративные государства можно разделить на две группы: (1) вся территория которых распределена между субъектами федерации (например, Германия, Австрия, Швейцария) и (2) включающие в свой состав территории, не входящие в состав территорий субъектов федерации (например, США, Австралия). Первую модель пространственно-правового устройства федеративных государств можно условно назвать эксклюзивной, или континентальной. Вторую – инклюзивной, или англосаксонской. Различия между названными моделями обусловлены следующими обстоятельствами. Во-первых, федерации, образованные в соответствии с эксклюзивной моделью, не имеют собственного побережья, либо его протяженность незначительна и не может существенным образом влиять на пространственно-правовое устройство. В инклюзивных федерациях, напротив, собственное побережье и островные территории имеют самостоятельное правовое значение. Во-вторых, эксклюзивные федерации имеют самостоятельный генезис, предполагающий союз ранее суверенных образований, в то время как инклюзивные федерации ранее входили в Британскую империю. В-третьих, эксклюзивные федерации имеют глубокие исторические традиции применения континентального права. Инклюзивные же в силу того, что ранее входили в состав Британской империи, восприняли от нее право англосаксонское.

¹ См.: Self-employment and entrepreneurship from unemployment // OECDiLibrary. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/3ed84801-en/1/2/2/4/index.html?itemId=/content/publication/3ed84801-en&_csp_=67257f9631644767e0a36667defaae3d&itemIGO=oecd&itemContentType=book (дата обращения: 10.10.2024).

² См.: Инклюзивный экономический рост в государствах-членах ЕАЭС и мире, 2020 год // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/cce/Spravka.pdf>

³ См.: Методика оценки инклюзивности экономик государств-членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1fb/Protokol-NTS.pdf>.

⁴ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Организация объединенных наций. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

Российская Федерация была образована в соответствии с эксклюзивной моделью. В первую очередь это было обусловлено традиционной близостью российской правовой системы континентальному праву. Вместе с тем следует отметить ряд обстоятельств, которые не позволяют Российской Федерации полностью заимствовать континентальный опыт. Россия традиционно считается континентальной державой, поскольку площадь ее территории в настоящее время соответствует 1/7 части суши Земли. Однако Россия имеет одну из наиболее протяженных береговых линий, а также значительную долю островных территорий. Также Российская Федерация, в отличие от Германии, не была образована как союз ранее суверенных образований. Россия прошла длительный путь построения империи, стремящейся к унитарной форме государственного устройства. Данная империя первоначально трансформировалась в Советский Союз, а в дальнейшем – в современное федеративное государство.

Таким образом, федеративное устройство современной России объективно должно занимать промежуточное положение между эксклюзивными и инклюзивными моделями федеративного устройства. При этом отметим, что в области международного права очевидным становится тренд на построение инклюзивной модели регулирования научно-технологического развития¹.

Данное обстоятельство и получило свое отражение в конституционной поправке 2020 г., в том числе установившей возможность образования федеративных территорий. Такие территории в составе Российской Федерации будут образовываться в соответствии с федеральными законами, которыми также будет устанавливаться организация публичной власти на их территории. В настоящее время Федеральным Собранием принят первый федеральный закон об образовании федеральной территории – Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ

«О федеральной территории «Сириус». В соответствии с ним федеральная территория «Сириус» будет образовываться в период с 22 декабря 2020 г. по 31 декабря 2025 г. Целью ее создания является формирование принципиально нового типа научно-технологического центра (наукограда), объединяющего в себе статусы территории со специальным режимом осуществления хозяйственной деятельности, в первую очередь предпринимательской, и публично-правового образования.

Научно-технологическое развитие обуславливает расширение сферы реализации эксклюзивности и инклюзивности в праве. Так, например, уже поставлен вопрос об эволюции права интеллектуальной собственности в формирующемся информационном обществе. Такая эволюция предполагает трансформацию преимущественно эксклюзивной модели регулирования в модель, сочетающую в себе как эксклюзивные, так и инклюзивные правовые средства. При этом отмечается, что необходимым и достаточным условием регламентации все чаще возникающих отношений является местонахождение данных, в том числе составляющих объект интеллектуальных прав, внутри информационных систем. Следовательно, реализация совокупности свойств таких данных в информационной системе приводит к тому, что остановить процесс воспроизводства, трансляции и мультипликации полезной информации представляется невозможным без разрушения самой информационной системы, что обуславливает отказ от исключительно эксклюзивного метода регулирования, присущего современному праву интеллектуальной собственности [1. – С. 15].

Актуальной является задача по избранию модели правовой идентификации технологий. Несмотря на то, что данная категория широко используется в законодательстве (например, только в России она применяется в тысяче с лишним действующих законодательных актов федерального уровня) и получила законодательное определение (п. 20 ст. 3 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»), она не может считаться надлежащим образом доктринально установленной, следовательно, не избраны модели ее правовой идентификации и регулирования. Так, в названном законе № 488-ФЗ под технологией понимается совокупность выраженных в объективной форме результатов

¹ См., например: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts // An official website on the European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (дата обращения: 28.06.2024); Глобальный цифровой договор // ООН. – URL: https://www.un.org/techenvoy/sites/www.un.org/techenvoy/files/general/GDC_Rev_3_silence_procedure.pdf

интеллектуальной деятельности, которая может служить технологической основой для производства промышленной продукции определенного вида и включает в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ либо другие результаты интеллектуальной деятельности и технические данные, подлежащие и не подлежавшие правовой охране в соответствии с гражданским законодательством.

Данное определение, введенное для целей конкретного правового регулирования, не позволяет полностью установить правовую природу данного явления. Аналогичным образом данный вопрос решается за рубежом и на международном уровне. Такой подход оставляет очень много открытых вопросов. Например, каким должно быть содержание правового регулирования в данной области, должно ли оно основываться на эксклюзивности или инклюзивности.

Вместе с тем с приведенным законодательным определением следует полностью согласиться в том, что технология – это результат интеллектуальной деятельности человека. При этом игнорированию подлежит его сужение исключительно до сферы производства промышленной продукции, так как оно обусловлено предметом регулирования указанного закона № 488-ФЗ. Главным же недостатком этого определения является то, что в нем не раскрывается сущность рассматриваемого явления и роль технологии необоснованно сводится исключительно к объекту правовой охраны (либо объекту, таковой охране не подлежащему).

Исторический анализ технологического развития человечества позволяет определить сущность технологии в качестве типизированного (модельного) решения некой прикладной задачи (группы сопряженных решений) практически в

любой сфере жизнедеятельности человека. Такое решение влечет за собой: (1) повышение результативности, точности или иных значимых характеристик соответствующего процесса; (2) повышение качества или иных значимых характеристик его результата, достижение его предсказуемости; (3) снижение связанных с ним издержек. Например, применение сельскохозяйственных технологий делает предсказуемыми результаты земледелия и скотоводства; промышленных технологий – производства товаров (кроме сельхозпродукции) и работ; информационных технологий – создания, обработки, передачи и хранения информации; и т. п. В свою очередь, выделение цифровых технологий связано не с определенным производственным циклом, а с технологической основой вырабатываемых решений. Таковой выступает вычислительная математика [4].

Данный подход существенно расширяет правовое определение технологий. Они перестают быть исключительно объектом правовой охраны и субъективных прав, что обуславливает применение эксклюзивного регулирования. Эксклюзивность правового регулирования отношений, связанных с технологиями, позволяет юридически индивидуализировать их, обеспечив им тем самым самостоятельное представление в гражданском обороте. Обоснованием такой эксклюзивности служит побуждение правообладателя нести расходы, связанные с разработкой и внедрением технологий в расчете на последующую выгоду от самостоятельной реализации соответствующих субъективных прав. Инклюзивность такого регулирования, напротив, обуславливает их общедоступность, способность быть общим благом и, соответственно, отсутствие индивидуальной правовой охраны.

Список литературы

1. Будник Р. А. Эволюция системы авторских и смежных прав в информационном обществе: от исключительного к инклюзивному праву автора. – М., 2013.
2. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948.
3. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / С. В. Барабанова, Х. В. Пешкова (Белогорцева), Е. Н. Агибалова, И. В. Баранов, А. Л. Воронцов, А. В. Менкенов, С. В. Ротко, А. Х. Селезнева, Н. Ю. Чернущь, М. А. Беляев, М. Ю. Зенков, А. А. Елаев, С. А. Котухов, Д. А. Тимошенко // СПС КонсультантПлюс. 2023.

4. Соколов И. А. Искусственный интеллект и цифровая экономика: лекция, прочитанная 25 февраля 2019 г. // Гуманитарный университет. – URL: <https://gu-ural.ru/2019/02/iskusstvennyj-intellekt-i-tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 07.09.2023).
5. *Bridge M. G. Personal Property Law.* – London, 2002.
6. *Cole D. H., Grossman P. Z. The Meaning of Property Rights: Law versus Economics? // Land Economics.* – 2002. – Vol. 78. – No. 3. – P. 319–325.
7. *Immobilienrecht. Handbuch / Herausgegeben von Prof. Dr. K. Schreiber; Universität Bochum: 2., überarbeitete und erweiterte Auflage.* – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co., 2005.
8. *Posner R. A. Economic Analysis of Law.* – Boston : Little, Brown and Co., 1972. – P. 10–13.